

Юдин А.А.
(Киев, Украина)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА СВЯЗИ МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМИ КОНТЕКСТАМИ АВТОРА И ИНТЕРПРЕТАТОРА (У.С. МОЭМ «ОСТРИЕ БРИТВЫ»)

В статье рассматривается вопрос об интерпретации текста под углом принципа связи между историческими контекстами автора и интерпретатора, в частности, то, насколько обоснованной может быть интерпретация художественного текста применительно к историческим событиям, происшедшим после его написания. Анализируется роман У.С. Моэма «Лезвие бритвы», в котором духовные поиски героя происходят на фоне Великой депрессии. В качестве альтернативного фона истолкования привлекается современный экономический кризис, в контексте которого духовные поиски героя романа выглядят еще более убедительными.

Ключевые слова: интерпретация, исторические контексты автора и интерпретатора.

У статті розглядається питання про інтерпретацію тексту під кутом принципу зв'язку між історичними контекстами автора й інтерпретатора, зокрема, те, наскільки обґрунтованою може бути інтерпретація художнього тексту стосовно історичних подій, що відбулися після його написання. Аналізується роман В.С. Моєма «Лезо бритви», в якому духовні пошуки героя відбуваються на тлі Великої депресії. У якості альтернативного тла тлумачення притягується сучасна економічна криза, в контексті альо духовні пошуки героя виглядають ще більш переконливими.

Ключові слова: інтерпретація, історичні контексти автора й інтерпретатора.

The article deals with the question of the interpretation of the text from the point of view of the principle of connection between historical contexts of the author and the interpreter, in particular, how substantial the interpretation of the artwork can be concerning the later historical events. The W.S. Maugham's novel "The Razor's Edge" is analyzed where the spiritual search of the hero takes place in the situation of the Great Depression. As the alternative background of interpretation is taken the contemporary economic crisis the context of which makes the searching of the hero even more persuasive.

Key-words: interpretation, historical contexts of the author and the interpreter.

Как было отмечено в первой статье, история главного героя романа Моэма «Острие бритвы» Ларри Даррела – предмет для «жития», но не для романа. Отсюда, многочисленные оговорки и «извинения» повествователя относительно нероманичности своего произведения, в которых нет оснований усматривать игру или авторское кокетство. Действительно, история Ларри – история внутреннего роста, ориентированная на восточный тип духовности, т.е. это даже не тот тип духовного роста, с которым привыкла иметь дело европейская литература, скажем, в романе воспитания, связанный со становлением, не-

© Юдин А.А., 2011

отъемлемый от биографического времени, встроенного в историческое¹. Внешние события, исторические события большого масштаба не имеют непосредственного влияния на судьбу Ларри, за исключением первотолчка, полученного вследствие участия в первой мировой войне. Но этот импульс изображен достаточно бегло, а в дальнейшем судьба Ларри развивается автономно от исторического фона (хотя, как будет дальше, этот фон чрезвычайно важен, в частности, в предлагаемой здесь интерпретации). Словом, Ларри как герой романа неинтересен. Поэтому необходим какой-то масштаб для измерения его духовного роста, но это мерило невозможно найти в его биографии.

Отсюда – в романе побочные сюжетные линии. Представлены по сути три истории: помимо Ларри, история Эллиота Темплтона и история Изабеллы-Грэя. Все три линии – истории американцев. Существенно и то, что рассказчик – британец. А равным образом и время действия романа – 30-е годы, период Великой депрессии – и время написания романа – 1944. До второй мировой войны США, уже будучи первой экономикой мира, продолжали держаться за внешнюю политику изоляционизма, что означало лишь региональное экономическое и политическое лидерство, но невмешательство в дела остального мира. (Рузвельту пришлось «пойти» на Пирл-Харбор для того, чтобы «оправдать» для американского народа вступление во вторую мировую войну.) Именно в годы второй мировой США по сути вступили в роль мирового лидера, из каковой не могут выйти до сих пор. Точнее, в роль одного из двух мировых лидеров в условиях двуполярного мира. И эту роль США принимали именно от Британии. Правда, ко времени второй мировой войны Британия сохраняла уже только память о своем мировом лидерстве, «бремя» которого она несла более столетия и которому пришел конец с первой мировой войной, а на вакантное место мирового гегемона целили несколько претендентов. Эпоха между двух мировых войн – междуцарствие. Однако по старой памяти Британия еще долго сохраняла повадки главного зверя (достаточно вспомнить два факта: Индия обрела независимость только в 1947 г.; именно Черчилль «объявил» холодную войну) и лишь после второй мировой постепенно свыклась с ролью сателлита. Конечно, совсем не обязательно, чтобы Моэм мыслил именно так и вообще интересовался политикой. Но, так сказать, историческая конъюнктура мира как арены силовой борьбы и конфигурации центров влияния и принятия решения просто не позволяла мыслить иначе. Тем более речь идет об английском писателе, вступившем в литературу в викторианскую эпоху, на рубеже веков, т.е. в исторический момент, когда Британия еще реально ощущала себя мировой империей № 1, а главным историческим процессом для его страны, на фоне которого происходила вся его сознательная творческая жизнь, было постепенное ослабление ми-

¹ М.М. Бахтин выделил несколько типов становления человека в романе воспитания: два типа циклического становления (связанный с возрастными изменениями и с переходом от юношеских мечтаний к практицизму), биографический или автобиографический, дидактико-педагогический и связанный с историческим становлением: «Все зависит от степени освоения реального исторического времени» [1, 212-214]. Хотя, по-видимому, в историко-литературном плане «Острые бритвы» соотносительны именно с традицией романа воспитания, коль скоро роман воспитания «представляет синтетическую ступень динамического саморазвития духовной субстанции личности» [7], несмотря на то, что его часто рассматривают как явление исключительно немецкой литературы [там же]. Ведь один из этапов становления Ларри связан с изучением немецкой литературы и философии (в частности, Канта). В этом смысле Ларри – тоже отчасти немец.

рового британского влияния. И хотя в фокусе внимания романа прежде всего духовное измерение, но, во-первых, идеализм, т.е. веру в самостоятельную духовную силу, Моэму, похоже, был чужд, а во-вторых, речь идет о духовных ориентирах как моменте смысло-жизненного выбора. Иначе зачем нужны были бы параллельные жизненные линии далеких от всяких духовных интересов персонажей? И иначе зачем было бы делать главными героями американцев (даже не американца), идя на риск недостаточно убедительного их художественного изображения: «Сам я никогда и не пробовал писать ни о ком, кроме англичан, разве что в нескольких коротких рассказах — в этом жанре можно обойтись без углубленных характеристик. Даешь читателю общие контуры, а подробности пусть додумывает сам. Могут спросить, почему, если я превратил Поля Гогена в англичанина, я не поступил так же с героями этой книги. Ответить на это просто: *потому что не мог*. Они тогда стали бы другими людьми. Я не утверждаю, что они — американцы, какими те себя видят; они — американцы, увиденные глазами англичанина» (курсив мой). (При этом дальше Моэм замечает, что совершенно не пытался изображать особенности их речи. Можно было бы добавить, что вообще дело здесь не в каких-то национальных особенностях характера. Ларри в этом смысле мало чем отличается от Стрикленда. А уж Темплтон — американец только в том смысле, что он — большой европеец, чем сами европейцы. Словом, главное в этих американцах то, что они — американцы, представители восходящей к мировой гегемонии нации. Это понимает «даже» молодая и еще несвободная от «биологического романтизма» Изабелла: «Как ты можешь отсиживаться в этом болоте, когда мы переживаем самое увлекательное время во всей истории? — «разъясняет» она непутевому Ларри. — Европа свое отжила. Сейчас мы — самая великая, самая могущественная нация в мире. Мы движемся вперед огромными скачками. У нас есть решительно все. Твой долг — вносить свой вклад в развитие родины».)

Интересно, что Моэм в своих раскладах вообще не принимает во внимание Советский Союз или, скажем так, «русский мир». (А ведь в духовном измерении Россия отнюдь не нулевая величина, и Моэм, включивший в число десяти лучших романов два русских, не мог этого не понимать.) Вероятно, дело не в особой проницательности, а просто в том, что Моэм не мог предвидеть будущей двуполярной структуры мира, а роль Советского Союза для Запада была до войны не слишком значительной. К тому же кажется, что Моэм при его несколько циничной внешне любви к «странностям человеческой природы», проще говоря, к индивидуализму вряд ли мог испытывать симпатию к социалистической идеологии. Словом, это отсутствие Советской России на духовной карте романа — еще одно свидетельство того, что духовное пространство романа встроено в распределение сил в реальном историческом пространстве и времени. При этом понимание возрастающего значения США в мире в романе просматривается ясно. Замечательно также, что это неведение Моэма, обусловленное историческим моментом (еще-двуполярность мира) делает этот роман очень своевременным сегодня, когда США остались единоличным мировым лидером, претендующим и на духовное лидерство (как носитель демократических ценностей и «идеологии потребительского общества») и, более того, когда сомнительность этих претензий становится все более очевидной в глазах остального мира.

Итак, три сюжетных линии — три смысложизненных выбора. Эллиот Темплтон связывает свою жизнь с «отжившей» Европой, более того, с самым отжившим (отжива-

ющим) в самой Европе – ритуалами и атрибутикой аристократического сословия. (В «Великой иллюзии» Жана Ренуара, одном из самых известных в истории кино фильмов, снятом также накануне второй мировой, где действие происходит в годы первой мировой, главные герои, французские офицеры, попадают в плен и «путешествуют» из лагеря в лагерь. Среди них в большинстве своем простолюдинов, призванных в связи с мобилизацией, есть кадровый военный и потомственный аристократ. Командант одного из немецких лагерей для военнопленных – также кадровый военный и потомственный аристократ. У них даже обнаруживаются общие дружеские и чуть ли не родственные связи. Но, главное, что их объединяет поверх национальных различий, – сознание общей сословной, своего рода кастовой принадлежности и – понимание исторического своего класса.) Эта фетишизация ритуальной стороны светской жизни превращает его отчасти в комического персонажа, особенно в старости, когда он бессильно сетует на инфляцию ритуальных ценностей (наблюдая за карьерой молодого американца, повторяющего его путь с гораздо меньшими усилиями, без всякой потребности в рекомендациях и долгой борьбы за репутацию) или уже на пороге смерти все еще ревниво переживает отсутствие приглашения на очередной светский прием. Изабелла и Грэй – американцы до мозга костей, для которых смысл жизни в том, чтобы «делать делать» и «брать от жизни все, что можно». Правда, Эллиот с его поклонением пустоте оказывается мудрее их, ибо эта «пустота» удерживает его от безудержного делания денег. Благодаря связям с Ватиканом он получает накануне «черного четверга» (биржевого обвала 24 октября 1929 г., с которого началась Великая депрессия) он получает совет избавиться от рискованных ценных бумаг и поместить капитал в менее прибыльные, но более надежные. Тогда как отец Грэй Мэтюрин, опытный и далеко не лишенный понятий о деловой чести биржевик, не говоря уж о его сыне, не имел ни малейшего предчувствия краха, за что и поплатился. (США уже в тридцатые годы показали, куда ведет лишенная сдерживающих начал (духовного происхождения) жажда «дел»). Окончательное преодоление Великой депрессии стало возможным только благодаря вступлению США в мировую войну и прекращению политики изоляционизма. Нынешний экономический кризис, Великая депрессия-2 – повторение забытого исторического урока.)

Словом, и Европа, и Америка оказываются духовно бесплодными – не в каком-то отвлеченном смысле, а в смысле конкретных коррективов и смысложизненных ориентиров для вполне практически настроенных людей. Поэтому путь Ларри из Америки через Европу ведет на Восток. Правда, очерчен он весьма схематично. Указаны только внешние вехи, не вполне ясны ни внутренние этапы, точки роста, ни конечный итог. Эти вехи, составляющие образа его пути, выглядят как *абстрактный* набор элементов, связанных довольно общей логикой, но не срастающихся в какое-то *живое* смысловое целое.

Исходным пунктом для Ларри становится опыт войны и смерти, или, если конкретнее, гибели товарища авиатора, спасшего ему жизнь. Но конкретный рассказ об эпизоде мало что конкретизирует в смысле приближения к экзистенциальным переживаниям Ларри. Тем более что эпизод получен из вторых рук (уст). Его пересказывает автору довольно второстепенный персонаж Сюзанна Рувье, которой когда-то рассказал об этом Ларри: очень условно прямая речь. Одни факты, по-хемингуэевски скупое, но без хемингуэевского тайминга и, соответственно, экзистенциальности. Позднее Ларри добавляет личного в разговоре с автором: «Бессмысленная жестокость смерти, вот с чем я не мог

примириться. Война кончилась, я вернулся домой. Меня всегда тянуло к машинам, и я хотел, если ничего не выйдет с авиацией, пойти на автомобильный завод. После ранения меня сначала не тормозили, но потом они захотели, чтобы я начал работать. А за такую работу, как они хотели, я не мог взяться. Она мне казалась никчемной. У меня было время подумать. Я все спрашивал себя, зачем нам дана жизнь. Мне-то просто повезло, что я выжил, и хотелось на что-то употребить свою жизнь, а на что — я не знал. О Боге я раньше никогда не задумывался, а теперь стал о нем думать. Я не мог понять, почему в мире столько зла. Я понимал, что очень мало знаю, обратиться мне было не к кому, и я стал читать что попало». Словом, опыт войны и смерти. (Возможно, Моэм прав был в своих опасениях в том смысле, что его Ларри как американец не слишком убедителен. Достаточно вспомнить «Фиесту» или рассказы о Нике Адамсе Хемингуэя с героем, также навсегда травмированным войной, но которого не тянет искать ответа на абстрактные вопросы в книгах. Все-таки слишком европейский, причем отвлеченно европейский подход.)

Следующая вежа: Ларри обращается к книгам. Первое чтение (за чем автор застает Ларри в библиотеке во время первого визита в США) — книга Уильяма Джеймса «Многообразии религиозного опыта». Объяснить этот выбор можно опять же отвлеченными соображениями. Позднее в разговорах с автором Ларри признается в своем интересе к вопросу о добре о зле. Где еще искать ответ на этот вопрос как не в религии? (Позитивная наука здесь бесплодна, а ответы, предложенные философией, взять не так-то просто. Для этого требуется уже значительная культура.) Но ответ религии убедителен только при наличии веры? Отсюда, требуется рационализация ответа. Итак, во-1х, книга американского (!) автора (что же еще возьмет в руки сразу американец?), психолога. Во-2х, позитивно-научное исследование религиозного опыта. Правда, ответа на вопрос на вопрос о добре и зле там как раз нет. (Американская интеллектуальная традиция вообще мало что может здесь предложить. Скорее уж Ларри следовало бы почитать «Моби Дика». Но это тоже нельзя назвать позитивным ответом.) Зато там есть исследование мистического опыта, а в заключительной точке пути Ларри «ждет» как раз опыт самадхи во время пребывания в Индии. Так что налицо преемственность. Но все это абстрактные соображения, и в любом случае мы не знаем, что же Ларри вычитал из Джеймса.

Знаем только, что дальше он отправляется в Европу и продолжает читать «что попало»: «все, что есть значительного во французской литературе», латинская проза, «Одиссея» в подлиннике, Спиноза, Рейсбрук, Платон, Декарт. Т.е. художественная литература, религиозная мистика, рационалистическая философия. Свои мотивы он поясняет Изабелле так: *«Я хочу уяснить себе, есть Бог или нет Бога. Хочу узнать, почему существует зло. Хочу знать, есть ли у меня бессмертная душа или со смертью мне придет конец»*. Тогда уж в этом списке не хватает Канта. Что конкретно Ларри из этого всего вычитал, опять же неизвестно. Но коль скоро он на этом не остановился, значит ответы его не удовлетворили. Далее он переходит к трудовому опыту. Потом пребывание в Бонне, беседы о религии с монахом-бенедиктинцем, пребывание в монастыре в обществе монахов (бенедиктинцы избраны, вероятно, потому, что это, наряду с доминиканцами, христианский монашеский орден наиболее ориентированный на интеллектуальную культуру) и продолжение чтения: Экхарт, Гете, Шиллера, Гейне, Гельдерлин, Рильке. Словом, общеобразовательная программа. Никаких конкретных результатов.

Ларри не может принять религию и упирается в вопрос: «Если мир создал всеблагой и всемогущий Бог, зачем он создал зло? По утверждению монахов — для того, чтобы человек, побеждая свою греховность, противясь соблазнам, приемля боль, несчастья и невзгоды как испытания, посланные ему Богом для его очищения, мог в конце концов сподобиться его благодати. Мне это казалось очень похожим на то, как если бы я послал человека с поручением и только для того, чтобы затруднить ему задачу, сам же построил на его пути лабиринт, через который он должен пробраться, потом вырыл ров, который он должен переплыть, и, наконец, возвел стену, через которую он должен перелезть. Я отказывался поверить во всемудрого Бога, лишённого здравомыслия. Мне казалось, что с тем же успехом можно верить в Бога, который не сам создал мир, а нашел его готовеньким и достаточно скверным и пытается навести в нем порядок, в существо, неизмеримо превосходящее человека умом, добротой и величием, которое борется со злом, не им сотворенным, и, надо надеяться, его одолеет. Но, с другой стороны, верить в него необязательно». Это, конечно, довольно упрощенный подход (мерить Бога человеческим здравомыслием), и у теологии имеются ответы на все эти вопросы (странно, что монахи этого не объяснили), но тут недостаточно арифметики. Впрочем, человек, читавший Спинозу и Декарта, мог бы обнаружить меньшую элементарность. Опять же видна абстрактность в конструировании траектории познания героя. Ларри, уже начитавшийся книг, по-прежнему находится на интеллектуальном уровне «простого» здравомыслия. Но определенно можно согласиться с тем, что для современного «рационального» (относительно, конечно) человека главным камнем преткновения в христианской религии является мысль об изначальной греховности человека.

Постигнув (условно – по схеме) всю премудрость христианской цивилизации, Ларри отправляется за восточной мудростью. Далее – Индия (с пересадкой в Испании): Брахма, Вишну, Шива. Здесь все так же схематично и поверхностно, внешние атрибуты индуизма, но во всяком случае о теории перерождений как объяснении неустройства мира или Абсолюте как Брахмане Ларри говорит с большим сочувствием, чем о воззрениях монахов-бенедиктинцев («Веданта не предлагает вам что-либо принимать на веру; она только требует от вас страстного желания познать Реальность; она утверждает, что вы можете познать Бога так же, как можете познать радость или боль... Меня особенно пленяет мысль, что постигнуть Реальность можно с помощью знания»). Однако в конечном счете искания привели Ларри к гуру Шри Ганеша, который учил отказ от себя («Он учил, что все мы лучше и умнее, чем нам кажется, и что мудрость ведет к свободе. Он учил, что самое важное для спасения души — не удалиться от мира, а всего лишь отказать от себя. Он учил, что работа, проделанная бескорыстно, очищает душу и что обязанности — это предоставленная человеку возможность подавить свое «я» и слиться воедино с вселенским “я”»), где его практика увенчалась переживанием «озарения». Описание этого озарения очень скупо («Никогда еще я не испытывал такого подъема, такой нездешней радости. У меня появилось странное ощущение, точно дрожь, начавшись в ногах, пробежала к голове, такое чувство, будто я вдруг освободился от своего тела, а душа причастилась такой красоте, о какой я не мог и помыслить. Будто я обрел какое-то сверхчеловеческое знание, и все, что казалось запутанным, стало просто, все непонятное объяснилось. Это было такое счастье, что оно причиняло боль, и я хотел избавиться от этой боли, потому что чувствовал — если она продлится еще хоть минуту, я умру; и вме-

сте с тем такое блаженство, что я был готов умереть, лишь бы оно длилось»), в нем доминируют два концепта: (сверхчеловеческое) знание и счастье. Плюс уверенность в том, что пережил единение с Абсолютом, и что это-то и есть опыт, которого удостаивались мистики разных времен. Разумеется, «отчет» Ларри скромнен (гораздо скромнее, например, описаний внутреннего опыта Сиддхартхи), но содержит необходимое и достаточное в том, по крайней мере, смысле, что у Ларри появилось нечто (некое духовное знание), с чем он может возвращаться на Запад: «...если единение с высшей Реальностью, которое пережило столько разных людей, указывает на появление у человека некоего шестого чувства, то это чувство в очень-очень далеком будущем станет свойственно всем людям и они смогут воспринимать Абсолют так же непосредственно, как мы сейчас воспринимаем чувственный мир».

Однако даже пережив опыт самадхи, Ларри остается западным человеком в том смысле, что этот опыт не задел его западного здравомыслия. Вот его итоговый ответ на вопрос о добре и зле: «...может, у меня на это не хватает ума. Рамакришна утверждал, что мир — забава Бога. «Это все равно что игра, — говорил он, — в этой игре есть радость и горе, добродетель и порок, знание и невежество. Если совсем исключить из мира грех и страдания, игра не может продолжаться». С этим я никак не могу согласиться. По-моему, скорее уж так: когда Абсолют проявил себя, сотворив видимый мир, зло оказалось неразрывно связано с добром». (Собственно, за этой идеей не было нужды ехать так далеко — достаточно было вчитаться в Гете.) Во-вторых, у Ларри нет сколько-нибудь четкого плана, что ему делать дальше. И не видно, что он может делать. Отказавшись от собственности, он обнаружил духовную силу в способности к бескорыстию, т.е. в отказе от себя. Но положительного проекта реализации этой силы не видно. Он не стал адептом какого-либо восточного учения, не собирается продолжать духовную практику. (Без этого знание о единении с абсолютном становится всего лишь воспоминанием, т.е., собственно, перестает быть знанием.) Иными словами, Ларри не является носителем чего-либо, что можно передать (знания, умения, техники и т.п.), а только памяти о пережитом. У него нет оснований для миссионерства, а его намерения (упражняться «в спокойствии, терпимости» и т.д.) — это программа исключительно нравственного самосовершенствования.

Таким образом, Ларри — абстрактный герой, т.е. отвлеченный от конкретной действительности. Он создан скорее логикой отвлеченных понятий, но не живого органичного опыта. (При этом, правда, создан с максимальной аккуратностью, для чего Мозму и понадобилась максимальная дистанцированность от своего героя. Дистанция от одного частного человека до другого — едва ли не самая дальняя *для автора* дистанция! Ларри для автора — максимально *другой*, а поэтому его недостаточная наполненность по литературным меркам не оборачивается пустотой, тем более фальшью.) Эта отвлеченность сопровождает его от исходного пункта его пути: в обстоятельствах и мотивах, побудивших его к исканиям, нет ничего «американского». (Повторюсь, Ларри — сугубо номинальный американец.) И его завершение, а также будущее также стоит под знаком отвлеченности. Ларри вне разделения труда — как экономического, так и, скажем, «космического» (если считать, что наиболее фундаментальное разделение труда — между теми, кто — в экономике, и теми, кто вне ее в силу занятий духовными практиками). Но если учесть, что роман как минимум на десятилетие опередил проникновение элементов восточных

учений в духовный обиход западного человека, туманность перспектив Ларри сложно поставить в упрек и Ларри, и автору. Ларри – не столько полноценный образ человека, сколько образ-вектор. Его положительное содержание абстрактно, но вот сила отрицания в нем заложена весьма конкретна. (Характерно, что в начале пути у него нет никаких положительных ориентиров, и им движет голая сила отрицания.) Абстрактный порыв Ларри на Восток происходит на фоне – но композиционно, можно сказать, отталкивается от – самой конкретной действительности: Великой депрессии, которая благодаря этому со(противо)поставлению видится как не просто экономическая, но духовная проблема.

Моэм не первым из западных писателей обратил взгляд на Восток в поисках духовных источников, но, пожалуй, он первый, кто с такой «экономической» конкретностью (пусть и довольно скромными художественными средствами) и так остро (заглавие) обозначил пересыхание этих источников в западной цивилизации. Надо заметить, что Великая депрессия была кризисом, из которого не были сделаны идеологические выводы. Об этом заговорили уже экономисты. В этом смысле современный экономический кризис, который также начался в США, по мнению многих экономистов, в частности, авторов теории кризиса М.Хазина и А.Кобякова [5], является в духовном смысле следствием именно отсутствия выводов из Великой депрессии и обещает быть еще более тяжелым и продолжительным. В этой связи духовный порыв американца Ларри Даррела на Восток выглядит еще более убедительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М., 1988.
3. Гайденок П. Философская герменевтика от Фр. Шлейермахера к Г. Гадамеру // Гайденок П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М., 1997.
4. Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. – М., 2001.
5. Кобяков А., Хазин М. Закат империи доллара и конец Pax Americana. – М., 2003.
6. Моэм С. Острые бритвы // Моэм С. Избранные произведения в двух томах. – М., 1985. – Т. 1.
7. Пашигорев Владимир Николаевич. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция : Дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 Ростов н/Д, 2005 333 с. РГБ ОД, 71:06-10/41 // <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/211885.html>
8. Ракитов А. Опыт реконструкции концепции понимания Фридриха Шлейермахера // Историко-философский ежегодник. 1988. – М., 1988.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 2002.
10. Шпег Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст-90. – М.: Наука, 1990.

НОВЫЕ «ГЕРОИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЧЕРКАХ 90-х гг. XX в.

У статті розглядається нарис 90-х рр. XX ст., його нові риси, нові герої, тематика, що зазнала змін. Відзначається, що в це десятиріччя нарис пішов з авансцени літературного розвитку, а зі зміною соціокультурної ситуації перестав бути актуальним, зокрема такий його внутрішньо жанровий різновид, як проблемний нарис. Тим не менш у 90-ті рр. з'явилося чимало творів цього жанру, які викликають інтерес як свідчення нещодавньої, але такої, що вже забувається, історії.

Ключові слова: нарис, публіцистика, документально-художній жанр, нові «герої часу».

В статье рассматривается очерк 90-х гг. XX в., его новые черты, новые герои, изменившаяся тематика. Отмечается, что в это десятилетие очерк ушёл с авансцены литературного развития, а с изменением социокультурной ситуации перестал быть актуальным, в частности такая его внутрижанровая разновидность, как проблемный очерк. Тем не менее в 90-е гг. появилось немало произведений этого жанра, которые вызывают интерес как свидетельства недавней, но уже начинающей забываться истории.

Ключевые слова: очерк, публицистика, документально-художественный жанр, новые «герои времени».

The article deals with an essay of the nineties of the XXth century, with its new traits, new heroes, changed themes. It is noted that in the last ten years the essay has gone from the proscenium of literary development, and with the change of social and cultural situation seized to be urgent, particularly such its variety within the genre, as a problem essay. However in the nineties a lot of works of this genre appeared, which arouse interest as the evidences of the recent but beginning to become forgotten history.

Key words: essay, social and political journalism, documentary and fiction genre, new «heroes of time».

В 90-е гг. очерк занимает значительное место на страницах периодических изданий, в нём ставятся и решаются актуальные и социально значимые темы. На развитие русской литературы и культуры в целом положительно повлиял принятый в 1990 г. новый «Закон о печати», отменявший цензуру и таким образом способствующий развитию художественного творчества и, в частности, очерковой литературы. На страницы периодики выплеснулась угнетаемая десятилетиями интеллектуальная энергия. Актуальным оказывается проблемный очерк, в котором ставились насущные вопросы общественного развития, политики, экономики. . . Социологическая оптика очерка, присущее ему публицистическое и аналитическое начала оказались востребованы. С одной стороны, литература стала фиксировать изменившуюся реальность, что привело к смене тем и героев; с другой – по-новому продолжала старые темы. Одной из таких «старых» форм является